

Общая газ. - 1995 - 26 окт. -

ЗВЕЗДЫ

с.15

Раб любви

Молодой Ленин в дилогии Марка Донского, герой фильма «Раба любви» — романтический коммунист-подпольщик, романтичный юноша в фильмах «Влюбленные» и «Нежность» — словом, неисправимый романтик Родион НАХАПЕТОВ теперь американец. Живет в Калифорнии. И в Москву приезжает редко.

ИТАР-ТАСС

Родион Нахапетов в фильме «Воздушные извозчики войны...»

— Твои впечатления от Москвы?

— Не то чтобы я не узнаю мою Россию — как раз узнаю. Но это ее лицо мне несимпатично. Герой, который мне дорог, которого я создавал, культивировал в себе, наверное, показался бы теперь чужим. Поведение, поступки людей совершенно другие.

Раньше я чувствовал в людях жизнь души — переживание, сострадание... А вчера здесь, в холле отеля «Балчуг», снимали мое интервью для провинциального телевидения. И вот у этих нищих ребят в гостинице жестко спросили: чем платить будете — долларами, марками?

Я делал в Америке документальную картину — мы снимали где угодно и никому не платили. А здесь все хотят кого-нибудь подоить. Все хотят брать, но никто не хочет давать. Получилось общество врачей, где нравственность словно бы забыта. Какая-то ложно понятая буржуазность.

— Говорят, влияние «новых русских» уже чувствуется в Америке?

— Только и слышишь жалобы: откуда столько жуликов! В автосервисе уже научились откручивать в машине новую деталь и ставить старую — и я узнаю повадку наших родимых станций техобслуживания. Наши пороки перекочевывают туда вместе с нашим матерым бизнесом.

Конечно, это в природе человека — думать сперва о себе, а потом о всемирном благе. Но раньше, пусть и в лицемерном государстве, в нас воспитывали все-таки некие идеалы общественной жизни. Пойми правильно: я вовсе не за то, чтобы наводить прежний порядок «сильной рукой». Просто теперь я хорошо знаю, что закон и порядок могут существовать и без репрессий.

— Ты говоришь по-русски приблизительно как Познер, который живет «фифти-фифти» — и там и там. И все же: в какой мере ты чувствуешь себя в Америке — дома?

— Совсем не чувствую. Конечно, на бытовом уровне я — вполне дома. Что касается мира, в котором я теперь живу, я никогда не смогу считать его домом. Все равно родина, конечно, здесь.

— Бестактный вопрос: почему ты уехал?

— Я буду рассказывать романтические, чистые истории — а поезд-то ушел! Началось увлечение «чернухой». Конечно, это реакция на застойные времена, когда жизнь на экране была стерильна. Но я все равно не мог так изменить себя. И чувствовал, что как художнику мне здесь уже нет места. А тут мой фильм «На исходе ночи» был куплен компанией «XX век Фокс». И для «промоушн» мне надо было поехать в Америку, вприпрыжку в другое пространство — а это всегда интересно, и человечески, и творчески.

И еще одно важное обстоятельство: я встретил женщину и полюбил ее... Женщину, которая, мне кажется, абсолютно меня понимает. Но началось все, конечно, с депрессии, с кризиса. Там я стал выздоравливать.

— Ты надеялся ставить фильмы?

— Мне казалось, я смогу. Но они довольны тем, что делают сами, и не хотят смотреть европейское кино — как они считают, нудное, медленное, перемудренное. Поэтому мои идеи никого не заинтересовали. Это был неприятный сюрприз. Хотя я и к нему был готов. Ведь в сущности, рассчитывал на чудо — вдруг что-то в голливудской машине даст сбой и там захотят сделать картину о России! Я ведь не собирался сни-

мать фильм про американскую жизнь — я ее просто не знал, да и сейчас не до конца понимаю... Зато получилось другое. У меня сейчас семь готовых сценариев. Два на российском материале, остальные на американском.

— Но ты же признался, что так и не понял американскую жизнь.

— Я не пытаюсь портретировать американскую социальную жизнь. Это чисто жанровые вещи. Придуманные. Но есть и реалистические сценарии. Один — любовную историю — купила студия «XX век Фокс». И это дало мне возможность безбедно жить и спокойно делать другие сценарии.

Удалось организовать независимую кинокомпанию, которая будет делать 2-3 фильма в год. Rodion Group International.

— И ты владелец этой компании?

— Да.

— То есть у тебя уже достаточно...

— Достаточно. Не так чтобы делать фильмы с суперзвездами, но потянуть недорогие картины мы сможем. Буду приглашать хороших американских режиссеров. В идеале — даже русских. Я бы мечтал, например, пригласить Алешу Германа, если он согласится, конечно. Американский фильм чистого жанра — комедия, вестерн, триллер — всегда находят своего зрителя. И всегда окупается, если говорить о низкобюджетных фильмах. Это не русская картина, которую очень трудно раскрутить. Наши ребята часто рассказывают: фильм получил приз на том фестивале, на этом... Спросишь: а зрителям его показывали? — Да нет, пока еще нет... Это же ужасно!

Слушай, то, что сейчас говорю, мне самому не нравится. Наверное, это звучит так, будто я преуспевающий американский бизнесмен. Ничего подобного. Я не изменился абсолютно. Там, в США, компания может органи-

зовать любой, если у тебя достаточно денег ее оформить. Это просто еще одна моя попытка поработать режиссером. И сказать то, что еще не успел.

— Расскажи о своем Фонде.

— Года три назад мне позвонили из России и попросили помочь найти врача для умирающего ребенка. У меня было тогда состояние путаное, неясное, был душевный разброд, но — решил помочь. И представь, нашел отклик у американских врачей — они согласились сделать операцию на сердце бесплатно. Не успел я закончить с одним — появились новые страждущие. Жена, Наташа, включилась в дело. У нее замечательный талант организатора. И постепенно вокруг нас образовался круг американцев, которые сами спрашивали: кому еще надо помочь? И я понял, что доброе дело способно объединить многих хороших людей. Жизнь обрела смысл. И тогда я решил организовать этот Фонд. Он спасает детей, которым нужна срочная медицинская помощь. В основном, это операции на сердце. Я сам пережил такую операцию — у меня врожденный порок сердца. За первые полгода 95-го мы спасли семерых детей. Причем в госпитале Лос-Анджелеса мы платили только за послеоперационный период. Сама же операция, которая стоит почти сто тысяч долларов, нашим пациентам делалась бесплатно.

Привозить детей в Америку трудно и накладно. Это все можно сделать с единицами, а помощь нужна многим. И мы создали группу врачей из клиники Стэнфордского университета, одной из лучших в области хирургии сердца, во главе с профессором Брюсом Райтсом. Ты слышал о нем? Он вошел во все учебники медицины как первый в истории врач, успешно сделавший на одном пациенте пересадку сердца и легкого.

— И тебе удалось его привлечь?

— Его привлекло доброе дело. Когда идешь просить на фильм, ты никому не нужен. Но если речь о помощи детям, вообще — страждущим, в Америке откликаются сразу и с готовностью.

Поехал в Россию, в Институт хирургии, академику Константину предложил: мы можем вам помочь. У меня уже есть хорошие контакты с крупнейшими лечебными учреждениями США, и я могу пригласить сюда американских специалистов. Есть возможность бесплатно получать нужную аппаратуру. Можно послать на стажировку российских врачей. В России ведь очень хорошие врачи, просто хирург вместо скальпеля вынужден брать в руки кухонный нож. У него нет настоящих инструментов...

Сейчас большая команда из Стэнфорда, 26 человек — кардиологи, анестезиологи, специалисты по переливанию крови, хирурги, медсестры — должны прилететь в Казань. Весной эта группа уже прилетала, были отобраны дети, самые трудные случаи, где российские врачи бессильны. За две недели в Казани сделают около тридцати бесплатных операций. Это будет совместная работа российских и американских врачей. Такие поездки будут предприниматься дважды в год.

— Помогают ли российские фонды — их ведь много?

— Когда американцы спрашивают: а в России вам кто-нибудь помогает? — мне стыдно. Потому что куда бы я ни обращался, никто, никакие российские фонды не видят в помощи детям никакой для себя выгоды. Любой российский фонд — сложная, запутанная система сбора денег. А в нашем фонде деньги как таковые вообще не ходят. Мы просто идем в фармацевтическую компанию и объясняем: для ребенка с таким-то заболеванием нужен такой-то препарат. Не денег просим, и они не деньги дают — медикаменты, оборудование. Мы везем в Казань аппараты для дыхания при операции, 40–50 штук, каждый по 500–600 долларов. Мониторы для сердца, 30 штук, каждый по 20 тысяч. Мы их там, в Казани, просто оставим. То есть — ничего не покупаем и ничего не продаем. И потому не можем извлечь никакой выгоды — это чистая благотворительность.

Когда в Америку приезжают больные дети, мы легко находим семью, которая согласна взять их к себе. Взять на два-три месяца больного ребенка с матерью или отцом — попробуй здесь уговорить кого-нибудь на такое решиться!

— С соотечественниками-эмигрантами видишься часто?

— Не очень. Впрочем, мы в контакте с русской газетой «Панорама» в Лос-Анджелесе. Ее редактор Саша Половец написал большую статью о нашем Фонде и очень надеялся, что это поможет, что богатые русские в Америке придут на помощь попавшим в беду детям. Действительно, число звонков резко выросло. Но не с предложением помощи. Теперь звонят уже и из Америки — просят помочь сыну, внуку, мужу...

— А тамошние наши богатые так и не откликнулись?

— Нет.

— Ты заметил здесь какие-нибудь признаки надежды на лучшее?

— Если честно — нет. Надежды были в те августовские дни, когда — помнишь? — по Тверской несли огромный российский флаг. Это великое чувство, в одиночку такое испытать невозможно...